

Галлюцинации и насмешки

Известия — 2002 — 21 дек. — с. 8

Большой театр принимает Польскую Национальную оперу

На этой неделе московский Большой театр обменивается операми со своим тезкой из Варшавы. Пока в Польше гастролируют наши «Хованщина» и «Любовь к трем апельсинам», москвичи слушают «Короля Рогера» Кароля Шимановского — туманный символистский опус двадцатых годов XX века, «Страшный двор» Станислава Монюшко (для поляков он все равно что для нас Михаил Иванович Глинка) и переосмысленного «Евгения Онегина» Петра Ильича Чайковского.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

В Польской Национальной опере есть все, о чем обычно грезят меломаны: хорошие голоса, слаженность ансамбля, чуткий и эмоциональный оркестр под управлением Яцека Каспшика. Есть и правильное сочетание авангарда и старых добрых традиций. Судя по уже показанным спектаклям, постановки масштабных опер в варшавском Большом театре счастливо избегают и занудства, и формалистской зауми. А наиболее каверзный оперный недостаток — неизменная статичность, волшебным образом превращается в достоинство.

«Короля Рогера» Шимановского поставил режиссер-концептуалист Мариуш Трелиньский, перешедший в музыкальный театр из кино. Опера-идея превратилась в оперу-иллюзион. Страдающего короля-философа (сумрачный баритон Войцех Драбович) окружали движущиеся потоки света, сливающиеся с расплывчатой акварелью звуков. Тревожные лучи и колдовское музыкальное марево рождали призраков. По небу, будто по гладкому полу, шагал страшный белый человек (конечно же подвязанный за трос к колосникам). Создание переутомленного королевского разума? Тень, одержавшая власть над миром?

Согласно либретто, Тень (эту роль исполнил балетный артист Максим Войтуль) — наглядное воплощение порочных страстей, посланных в добропорядочное

королевство неким Пастухом-Дионисом (Рышард Минкевич исполнил его как младшего брата Мефистофели). Но искусители походили не на пришельцев со стороны, а на галлюцинации гения. В самом разгаре «поисков смысла и себя» люминесцентный огонек очерчивал мистический круг в глубине сцены, с колосников спускались ленты святища цифр. Сценограф Борис Кудличка владеет магией простых геометрических фигур, точно пользуется и эффектом пустого пространства. Пустыня — возделенное место для философа — смекает изысканные витражные покои Рогера. Есть только солнце, превращающее короля в золотой столб, и призраки любви — вырастающее до неба видение утраченной супруги. И какими бы смелыми и ошеломляющими ни были сценические парадоксы спектакля Трелиньского, они ни разу не восстали против музыки.

«Страшный двор» — полная противоположность расплывчатого «Рогера». Четкая драматургия, внятный сюжет, яркие и выпуклые мелодии. Труппа Варшавской оперы исполнила оперу Монюшко так, будто написана она не 140 лет назад, а вчера. Солисты не скрывали любования красивыми ариями и ансамблями, шутили, как в импровизированной комедии, а страшилкам пугались так, будто не знали, чем кончится дело. К финальной ликующей мазурке опера приближалась не торопясь, как хорошая сказка. Сценографы Зофья де Инес и Славомир

Левчук одели персонажей в богатые исторические костюмы, а декорации каждого из четырех актов лишь намекнули на место действия. Но минималистский антураж не лишил постановку ощущения полноты жизни. Режиссер Николай Грабовский рассыпал по спектаклю уйму обаятельных подробностей. Особенно занятно ожила главная «тайна» страшной усадьбы Мечника. В полночь разговаривают портреты предков, изображения покидают древние холсты. Но за картинами спрятались шаловливые сестры, подглядывающие за будущими женихами. В холстах раскрылись окошечки, головы живописных матрон превратились в лички живых барышень. А прозвон, что события развиваются как падо, барышни-картины обменялись довольными рукопожатиями. Перед чарами прокажики устоять невозможно. И холостяцкие обеты, данные в начале оперы воинственными братьями, — не более чем нелепая мужская блажь. Все случилось так, как захотели женщины. Кстати, певицы заметно перепели партнеров. Звонкими колокольчиками звучало сопрано Ивонны Хосса (Ханна), меццо Анна Любањска нашла для своей Ядвиги самые темные и мглистые краски. Заливистый, но однообразный тенор Томаш Кук (Стефан) и осторожный бас Петр Новацкий (Сбигнев) уступили примадонам и в вокале, и в актерском мастерстве.

Традиция и авангард встречаются в третьем гастрольном спектакле поляков — «Евгений Онегин», поставленном «киношником» Трелиньским. В опере Чайковского режиссеру видится «новость о потерянном рае», тем не менее действие переносится даже не в XXI, а в какой-нибудь XXV век. Подробнее об этой постановке читайте в следующем номере «Известий».

Роксана (Зофья Киянович) и Тень (Максим Войтуль) в «Короле Рогере»